НОВГОРОДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского

Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.

Под редакцией
В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова.

Новгород 1994

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ НОВГОРОДА

Д. А. Авдусин

АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АРЦИХОВСКИЙ И НОВГОРОД

В истории раскопок Новгорода и древнерусских городов в целом имя Артемия Владимировича Арциховского выступает рельефно, выпукло. Это обусловлено не только тем, что мы увидели давно прошедшее время во вполне материальных, существующих ныне реалиях, осязать которые, казалось бы, не суждено уже никому. Зазвучали голоса конкретных исторических лиц, людей из их окружения, иной раз простонародья, поведавшие нам о Новгороде и протекавших в нем событиях такие подробности, которые трудно было даже предположить. Вывод о выдающейся роли Новгорода в истории Древней Руси и Европы подтвердился и приобрел иное значение: из города купцов он вдруг стал феодальной столицей севера Руси.

Можно бесконечно перечислять открытия Новгородской экспедиции по истории, материальной и духовной культуре как чисто новгородские, так и общерусские. Эти выводы основываются на трудах сотрудников экспедиции, членов блистательного коллектива, созданного А. В. Арциховским, коллектива, развивающегося, обогащающегося новыми крупными именами, меняющегося и, вместе с тем, остающегося образцом.

Ныне мы подводим итоги шестидесятилетних работ на раскопках в Новгороде, счастливо совпадающих с девяностолетием организатора этих раскопок — Артемия Владимировича Арциховского, родившегося 13(26) декабря 1902 г.

Эпоха Арциховского началась в Новгороде задолго до того, как Артемий Владимирович первый раз приехал в этот изумительный город. История Новгорода, полная драматических событий, пронизанная духом кажущейся свободы, заинтересовала гимназиста еще младших классов. Он запоминал даже газетные репортажи о Новгороде.

О своем первом знакомстве с Новгородом Артемий Владимирович рассказывал так:

«В 1929 г., когда кончилась моя многолетняя работа по вятичам, и диссертация была написана о вятичах и сдана в печать, передо мной встал вопрос, где теперь работать. Новгородом я всегда интересовался, с гимназических лет, и в 1929 г. организовал туда впервые экспедицию. Первый раз я приехал в Новгород, будучи совсем молодым преподавателем университета; со мной был студент Борис Александрович Рыбаков. Помню огромное впечатление, которое произвел Новгород, и детинец, и Волхов. Но раскопки тогда были совсем маленькие, и не в Новгороде, а на Городище под Новгородом. Совсем это не были раскопки Новгорода. Поскольку я тогда был специалистом по подмосковным курганам, я в том же году производил раскопки новгородских курганов».[1]

Артемий Владимирович очень любил архитектуру разных эпох и стран, хорошо ее знал, но в особенности он любил древние постройки и фресковую живопись Новгорода. Новгород для него был идеалом сочетания драматической политической истории, замечательной архитектуры, несравненной живописи. Он был рад, если находил попутчика сходить к какому-нибудь архитектурному памятнику в городе или даже съездить за город. Он с упоением рассказывал студентам во время экскурсий по городу об особенностях новгородского архитектурного стиля, о фресках, почти боготворил их создателей. Все это составляло его стиль поведения. В любом новом для него городе он прежде всего осматривал архитектуру, фрески, а также другие исторические и художественные памятники.

Запомнилось посещение одной из самых любимых А. В. Арциховским новгородских церквей — Спаса на Ильине. С каким своеобразным изяществом он поднимался по хлипким лесам к куполу, чтобы посмотреть Спаса, с какой отчаянной решимостью он спускался оттуда, а мы с замиранием сердца смотрели, как леса ходят в разные стороны.

Первый этап новгородских раскопок начался в 1932 г.,[2] а раскопки на Городище составили необходимую подготовительную работу. К тому времени уже было известно о весьма значительной мощности культурного слоя в городе, о том, что в нем сохраняется дерево и некоторые другие органические вещества. Культурный слой обнажали при обычных хозяйственных вскрытиях верхних напластований, что в те времена и еще долго после мало кого интересовало. О мощности и процессе образования этого слоя писал Е. А. Болховитинов еще в 1808 г. Первые раскопки произвел в конце XIX — начале XX вв. В. С. Передольский, а в 1910 г. Н. К. Рерих.[3] При этом были найдены деревянные уличные мостовые, существование которых по каким-то непонятным причинам подверг сомнению Н. И. Репников. Материалы этих пер-

вых попыток производства археологических разведок в Новгороде до нас не дошли.

Примерно одновременно с Н. К. Рерихом Н. И. Репников начал работы в Ладоге, сравнение этих раскопок представляет известный интерес. Раскопки Репникова В. И. Равдоникас пробовал объявить началом исследования древнерусских городов в целом. Но вопрос об этом непринципиальном приоритете вряд ли можно ставить: раскопки как Н. К. Рериха, так и Н. И. Репникова не имели непосредственного продолжения. Объективности ради следует отметить, что Репников копал Ладогу уже по слоям, как это начал Б. В. Фармаковский в Ольвии. Для того времени, не имея предшественников в подобных раскопках, копая, как писал сам Репников, «на свой страх и риск», его раскопки в Ладоге и их результаты заслуживают всяческой похвалы.[4]

Раскопки в древнерусских городах в дореволюционное время были редкостью. Как пример можно указать раскопки в Киеве,[5] Смоленске.[6] Раскопки городов в то время имели целью изучение, главным образом, отдельных объектов, в основном — архитектурных памятников. Редко, с неохотой раскапывали даже маленькие поселения, обычно городища, часто запутывая их стратиграфию и осложняя последующие исследования. Была в ходу формула «пробные раскопки», которая не обязывала к систематическому исследованию памятника, не ставила перед археологом задачи исторического изучения объекта. Даже в конце 1920-х гг. никто не умел достаточно полно выявить исторические рубежи развития хотя бы маленького древнерусского городища. Даже у такого видного археолога, каким был А. А. Спицын, мы находим фразу, что «содержательное городище— большая редкость». Под «содержанием» он понимал в первую очередь вещи, а не сооружения, которые вставали в повестку дня. К 1932 г. уже было известно, что в новгородской почве имеется масса сохранившихся остатков деревянных построек, характер конструкции которых и возможностей их фиксации еще не обсуждали.

Раскопки в городе предполагают их продолжение из сезона в сезон, из года в год, пока культурные остатки не будут исследованы полностью и вширь, и вглубь. Таким образом, поскольку такие раскопки — процесс многолетний и непрерывный, он требует создания достаточно большого, постоянного и нетекучего научного коллектива. Его надо научно заинтересовать, сплотить. Большое значение имеет и организация материальной базы. Это не только ассигнования на раскопки, но и наличие построек, жилья для личного состава, помещения для оборудования, помещения для научных работ, склада для хранения находок и т. д. Сейчас все это кажется прописными истинами, но и ныне далеко не каждая экспедиция имеет такую базу. А ведь к сказанному надо прибавить необходимость размещения лабораторий, навесов для зимнего хранения механизмов и т. д.

Думаю, что всей грандиозности вставших перед экспедицией задач Артемий Владимирович тогда и представить себе не мог.

Основной задачей первого этапа была разработка методов исследования, а также организационных проблем. А. В. Арциховский предложил практиковать раскопки пластами по 20 см, строго ограничив прежнее понятие «штык», обратив внимание на горизонтальное снятие пластов.[7]

В первый год систематических раскопок — 1932 г. — ни одна из общих задач решена не была. Научный персонал в первые два сезона (а раскопки продолжались в 1934, 1936 и 1937 гг.) был представлен самим А. В. Арциховским, Б. А. Рыбаковым и М. К. Каргером. Впрочем, М. К. Каргер руководил раскопками самостоятельных объектов.[8] В 1934 г. на раскопе работали А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков и Л. А. Голубева. Можно думать, что без участия студентов, работавших на раскопках (сколько их было — неизвестно), археологические работы в те годы вряд ли были возможны, даже учитывая небольшой масштаб раскопок: за четыре сезона были вскрыты 508 кв. м площади.

Выбор места раскопок тоже был на грани случайности: «были осмотрены все новгородские пустыри». Предпочтение отдали пустырю на Славне. Здесь случайность минимальная: этот исторический район города обещал хорошие результаты исследований.

А. В. Арциховский глухо упоминал, что он возражал против раскопок на Славне, потому что они имели в виду поиски древнейших слоев города, а по его мнению, следовало интересоваться слоями эпохи расцвета.

Думаю, что здесь есть подтекст. А. В. Арциховский неоднократно говорил, что ничего скандинавского в Новгороде нет, что его создали славяне, составившие древнейшее население. Он боялся появления большого количества скандинавских древностей в ранних слоях. Этого не случилось, и, мы знаем, не случится, хотя кое-что говорит о присутствии скандинавов в Новгороде в его раннюю пору. Он не хотел признавать скандинавский характер некоторых даже третьестепенных находок. Он не хотел замечать, что

некоторые древнерусские орнаменты (например, городчатый, в виде ступенек) восходят к скандинавским образцам, к тому же более древним. Только наедине он говорил мне, что его раздражает часто встречающаяся в орнаменте вещей плетенка. «Все-таки в ней есть что-то скандинавское». В варяжском вопросе он был крайним антинорманистом, подобно своему антиподу Арне — идеологу норманизма. Оба они не желали замечать очевидных вещей и явлений. Их полемика продолжалась до гробовой доски.

В 1936 и 1937 гг. число научных сотрудников экспедиции не изменилось: их было соответственно четыре и три человека. Но в списках студентов — участников раскопок уже начинают встречаться имена тех, кто впоследствии станет начальниками участков и даже раскопов, а затем войдет в число ведущих исследователей Новгорода. Это были П. И. Засурцев, М. Г. Рабинович, а также некоторые другие студенты, которых с археологией впоследствии разлучила война.[9] Возникло маленькое ядрышко будущего научного коллектива. Пример московских археологов вдохновил сотрудников Новгородского музея Б. К. Мантейфеля, А. А. Строкова и ученых других городов, которые, однако, не прижились в Новгороде. После войны продолжал раскопки один Б. К. Мантейфель. Не оставили они и наследников своего дела.

Наиболее важной проблемой стала методическая сторона раскопок. К тому времени она была намечена лишь в общем, даже для маленьких поселений. Примером образцово проведенных раскопок были далекие от Новгорода Березняки.[10] Главную роль в методике раскопок играли приемы, выработанные при исследованиях курганов и могильников: цветовые пятна, прослойки различных грунтов, пятна тлена, при господствующем приеме раскопок «на штык». Хотя уже появлялись и использовались в городе приемы вскрытия и фиксации деревянных сооружений (например, Н. И. Репниковым в Ладоге), но еще даже не ставился вопрос об использовании деревянных сооружений как направляющего вектора в исследовании слоя. Господствовали старые приемы наблюдения за городскими слоями.

Новое, как всегда, появилось внезапно. Еще в 1932 г. была открыта в Новгороде крепостная стена посадника Федора. Ее исследование оказалось важным, во-первых, с точки зрения использования стратиграфических возможностей для датировок. Слой строительных остатков этой стены разделяет культурные напластования на два горизонта. Все, что лежит ниже строительного слоя, древнее середины XIV в., все, что выше, — моложе. Этому соответствуют уже известные к тому времени даты некоторых вещевых категорий, например, стеклянных браслетов. И действительно, браслеты были найдены только ниже строительного слоя. Строительство стены, по летописным данным, происходило в 1335 г. Во-вторых, находка стены наглядно показала особенность древней топографии Новгорода: его юго-восточную границу в середине XIV в.[11]

Для середины 1930-х гг. было удивительно исключительное разнообразие и огромное число находок. Это были и инструменты ремесленников, и их продукция, и оружие, и предметы прикладного искусства, и вислые печати, и монеты, и многое другое. Впервые стал выясняться облик русского средневекового города. А. В. Арциховский справедливо писал, что раскопки на Славне заложили основы археологии Новгорода. Они составили первый этап его археологического изучения.

Огромное влияние на судьбу новгородских раскопок оказало начало преподавания курса археологии на историческом факультете МГУ (1937 г.). Оно популяризировало археологию среди студентов, возбудило в них интерес к этой таинственной науке, и это имело следствием рост числа желающих участвовать в новгородских раскопках. Обязательной практики не было, в Новгород ехали только добровольцы.

К 1938 — 1939 гг. относится второй этап раскопок в Новгороде. Раскопки производились на Ярославовом дворище. Вряд ли нужно характеризовать это урочище. Это делалось много раз.[12]

При этих раскопках особое внимание было уделено открытым там деревянным мостовым. Стало понятным постоянство их направления: на настил, утонувший в грязи, клали новый. Правда А. В. Арциховский предположил, что мостовые подметались, но впоследствии пришли к заключению, что здесь действовали не метлой, а скребком, сгребая грязь с настилов в стороны, то ли по мере ее накопления, периодически, то ли перед укладкой новых бревен. Впервые для слоев мостовых был употреблен термин «ярус», на новгородском происхождении которого ревниво настаивал А. В. Арциховский. Понятием «ярус» оперировали раньше и на Славне, но в несколько ином значении, а впоследствии он приобрел важнейшее значение в терминологии Новгородской экспедиции. А. В. Арциховский заключил, что город еще в XI — XV вв. был сплошь замощен, а мостовые на улицах Парижа и Лондона появились позднее. Правда в последующих изданиях его учебника это-

го сравнения уже нет. Кроме того, и А. В. Арциховский этого не упоминает, на новгородские очень похожи деревянные мостовые в Треллеборге в Дании, относящиеся к IX в.[13] Со временем выяснилось, что мостовые новгородского типа имеются в Смоленске, Витебске, Москве и во многих других древнерусских городах. Попутно можно сказать, что представление об особой сохранности дерева в новгородском культурном слое, до сих пор переходящее из работы в работу, сильно преувеличивает сохранность дерева в Новгороде. Оно сохраняется не хуже во многих городах. Здесь дело всего-навсего в насыщенности грунтовой воды фосфатами. Но до раскопок в Новгороде о древних деревянных мостовых почти ничего не знали.

Замечательна эрудиция Артемия Владимировича. Так, сведения о первых мостовых в западных столицах он выдавал со скоростью ЭВМ. Это же относится и к другим случаям, когда он мгновенно приходил к ряду сопоставлений и обобщений.

Бывали и ошибки, неизбежные в любом исследовании. Когда в Новгороде были открыты желоба, по которым текла вода, он безоговорочно принял вывод Н. И. Фальковского, что трубы из выдолбленных бревен — трубы водопроводов, естественно, «древнейших в Северной Европе».[14] Н. И. Фальковский же правильно утверждал, что трубы из горбылей или досок составляли систему водоотводов.

Впоследствии А. Ф. Медведев полностью разрушил предположение А. В. Арциховского о новгородском водопроводе: долбленые бревна были водоотводами.[15] А. В. Арциховский воспринял открытие Медведева болезненно и несколько раз возвращался к этому вопросу, вопрошая: «А может быть, это все-таки водопровод?». Но единомышленников в этом вопросе у него уже не было.

Обработка материалов 1938 — 1939 гг. впервые производилась не только начальником экспедиции, но и узкими специалистами, но они не были участниками раскопок. Однако все шло к тому, что вскоре должен был сложиться коллектив экспедиции.

В 1939 г. на историческом факультете МГУ была открыта кафедра археологии, еще более возбудившая интерес студентов к этой науке. Но ассигнования на раскопки были ничтожные. Поэтому в 1940 г. силами самих студентов-добровольцев раскапывались курганы под Звенигородом. Полученная дотация позволяла кормить студентов «шрапнелью», а жили они на биостанции МГУ.[16] Среди студентов были Б. А. Колчин, Д. А. Авдусин, Г. А. Авдусина, Н. П. Журжалина, Т. Н. Никольская, Г. Э. Бауэр. Это был всплеск старой любви А. В. Арциховского к древностям вятичей. В 1941 г. он, располагая очень небольшими средствами, думал начать раскопки «младшего брата» Новгорода — Пскова. Но грянула война.

В самом конце войны Артемий Владимирович, работая в комиссии по определению ущерба, нанесенного фашистскими войсками русским древностям, побывал в Смоленске и посетил давно привлекавшие его Гнездовские курганы. В 1946 г. он предпринял даже некоторые шаги по организации их раскопок. По ряду причин этот замысел не осуществился, и в 1945—1946 гг. А. В. Арциховский производит раскопки курганов в с. Беседы под Москвой.[17] Это было чудо: ведь только что окончилась война. «Деревня, где копал Артемий — была чудесный уголок», — писал шутливые стихи М. Н. Тихомиров, посетивший с. Беседы. Раскопки в с. Беседы, особенно в 1946 г., дали неожиданный и очень важный результат: именно там и тогда сложился костяк экспедиции следующего года, а это были уже раскопки Новгорода.

К исследованиям Новгорода А. В. Арциховский вернулся не сразу. «Очень страшно возвращаться в разрушенный город с уничтоженными шедеврами архитектуры и живописи». Но в Академии наук СССР выделили большие деньги на раскопки, и это решило вопрос. Арциховский вернулся в Новгород и теперь уже навсегда. В с. Беседы была как бы прорепетирована организация экспедиции в новых условиях. Поскольку Б. А. Колчин был аспирантом академического института, через который проводилось финансирование раскопок в Новгороде, и поскольку в с. Беседы он показал себя хорошим организатором, главную роль в организации новгородских раскопок А. В. Арциховский поручил ему. В этом качестве Б. А. Колчин поломал кустарный характер раскопок и придал экспедиции необычный размах. Она была обеспечена машинами, в первую очередь транспортерами, восхищавшими А. В. Арциховского, который, однако, не вполне и понимал, как их можно применить на раскопках. Было заказано большое количество пиломатериалов, чтобы не экономить на технике безопасности и не попрошайничать у местных организаций. Были сделаны надежные трапы, крепления, ограждения и пр. Зная об обилии грунтовых вод, получили насос-«лягушку», в чем ошиблись: нужен был насос с электрическим приводом. Событием было появление нивелиров, облегчивших и ускоривших всевозможные замеры. С некоторым недоверием нивелир заимствовали и другие экспедиции.

Но все это было только началом кол-

чинских новаций. Их расцвет еще предстоял.

Артемий Владимирович полностью положился на своих учеников. Он почти не вмешивался в их участки работы.

В раскопках 1947 г. впервые участвовал В. Л. Янин, тогда студент I курса. Также впервые работал там В. В. Седов. Особый отряд возглавлял А. Л. Монгайт. С течением времени ученики А. В. Арциховского возглавили ряд других экспедиций, в том числе крупных.

Впервые в истории раскопок древнерусских городов была организована лаборатория консервации и реставрации находимых деревянных изделий, которую возглавлял А. В. Кирьянов. Методы ее работы видоизменялись и совершенствовались и ныне мало похожи на те, которые применялись в начальную пору. А. В. Кирьянов имел агрономическое образование, обрабатывал и находимые зерна, придя к научно обоснованным выводам о системе земледелия в Новгородской земле и даже в далеком Поднепровье. Это позволило прийти к интересным выводам по новгородской экономике.[18]

Артемий Владимирович с живым интересом следил за работой Б. А. Колчина по истории черной металлургии на Руси.[19] Он внимательно читал каждую страницу колчинской рукописи и мечтательно произносил: «Мартенсит... Сорбит... Троостит...». А. В. Арциховский любил повторять, что научный руководитель — не соавтор и не редактор, а поэтому не менял ни формулировок, ни аргументации. Случилось так, что некоторые поддержанные им положения колчинской работы не оправдались, как было, например, с оценкой естественных примесей никеля к природному железу. Но в целом А. В. Арциховский правильно отметил, что книга Б. А. Колчина явилась рубежом в подходе к изучению изделий из черного металла. Еще в период ее подготовки Арциховский просил меня написать о ней популярную статью, которая и была опубликована в «Литературной газете».[20] Раскопки 1948 — 1949 гг. расширили наши знания о быте простых новгородцев, они обусловили дальнейший прогресс в исследованиях Новгорода. А. В. Арциховский говорил: «Какой неожиданно крупный успех», — слова, вошедшие в фольклор Новгородской экспедиции. Эта мысль не вполне точная — успех предрешался предыдущими исследованиями.

Перерыв в полевых исследованиях, пришедшийся на 1949 — 1950 гг. обусловлен исчерпанием свободных неисследованных площадей на Ярославовом Дворище. Эту двухлетнюю паузу в раскопках А. В. Арциховский мотивировал тем, что, мол, накоплен огромный материал, требующий обработки и обобщения. Может быть, это и так, но никаких обобщающих работ за этот период создать не удалось, а перерыв нанес удар по кадрам экспедиции: студенты, участвовавшие в раскопках 1947 — 1948 гг., оказались брошенными на произвол судьбы и разбрелись по другим экспедициям.

В то же время нельзя пройти мимо открытия, сделанного в Новгороде в 1948 г. при раскопках, проводившихся Новгородским музеем. Было установлено, что в Неревском конце мощность культурного слоя огромна и обещает новые открытия, в частности, например, многоярусные слои мостовых. Для раскопок там нужны были значительные средства, более многочисленный отряд научных сотрудников и еще всего много-много, более и более.

Четвертому этапу раскопок в Новгороде посвящено много книг и статей, благодаря которым он получил широкую известность. Одним из важнейших изданий является первый том Трудов Новгородской экспедиции, где подведены итоги третьего этапа раскопок и суммированы первые результаты четвертого. Том открывается итоговой статьей А. В. Арциховского. Особую важность в нем имеет работа Б. А. Колчина, который проложил новую дорогу в изучении новгородской стратиграфии. Уже вскоре предложенный метод был уточнен другим новым методом, введенным в науку также Б.А. Колчиным. Здесь имеется в виду метод дендрохронологии. Но о нем написано много и излагать его сущность здесь не нужно.

И в целом: если здесь и говорилось о важнейших открытиях, то, главным образом, для того, чтобы показать роль А. В. Арциховского как организатора экспедиции, движущую силу в изучении Новгорода. Главный итог первых лет четвертого этапа — создание научного коллектива, формулирование задач изучения Новгорода. Кафедра археологии МГУ сплотила этот коллектив, и его можно сравнить лишь с немногими экспедиционными общностями. Такой конкурирующей по сплоченности общностью была Хорезмийская экспедиция, в чем немалую роль сыграло руководство ею и личность С. П. Толстова. Примечательно, что археологи-студенты, побывавшие в Новгороде, на всю жизнь связали себя с изучением славяно-русских древностей, а участники Хорезмийской экспедиции стали пожизненно «азиатами». И увы, в Хорезм ушли студенты, «освободившиеся» от раскопок в Новгороде.

На кафедре тогда еще не было Новгородского и других семинаров. Исподволь, на общих семинарах новгородской тематикой руководил сам А. В. Арциховский,

советуя обратить внимание на ту или иную тему. Кроме университета Артемий Владимирович, как тогда было принято, работал по совместительству в ИИМКе, так назывался Институт археологии, где руководил Отделом полевых исследований и имел нескольких аспирантов. К этому времени Артемий Владимирович был автором многочисленных важных статей по новгородской истории.[21] Они остаются среди лучших трудов о Новгороде и ныне. Но о себе он говорил: «В этом не принято признаваться, но я, прежде всего вещевед». Особенная любовь у него была к истории оружия, по которой им опубликован ряд работ.[22]

А. В. Арциховский не уподоблялся Кощею Бессмертному над златом, не ревновал своих учеников к тем или иным темам, даже, если направления исследований перекрещивались. Он щедро раздавал выигрышные темы, поощрял инициативу исследователей Новгорода. Издание «Трудов Новгородской экспедиции» продолжалось. В них опубликована фундаментальная работа П. И. Засурцева о застройке и планировке Новгорода, работа Б. А. Колчина о дендрохронологическом методе и другие важные научные труды. Позднее вышел в свет том «Археологическое изучение Новгорода» со статьями, суммирующими результаты работ на отдельных раскопах.[23]

В 1951 г. в Новгороде было сделано открытие, которое может быть названо Открытием века: на Неревском раскопе были найдены берестяные грамоты. Их исследованию и описанию их значения посвящена большая литература.[24] Ныне мы о нем так хорошо информированы, что как бы привыкли к находкам этих поразительных документов, к ежегодному пополнению их фонда. А. В. Арциховский не раз вспоминал, что в Сибири долго писали на бересте чернилами, и мечтал найти такое письмо. «К сожалению, если их найдут, мы их не прочтем, ведь чернила смоет грунтовая вода».

Когда первый археолог, державший в руках берестяную грамоту, Г. А. Авдусина принесла находку А. В. Арциховскому, он воскликнул: «Этого открытия я ждал тридцать лет!». Он имел в виду как раз сибирские письма. Но новгородские грамоты были не чернильные, а процарапанные, поэтому сохранилась возможность их прочтения, что и было сделано.

Могут сказать, что не все грамоты были прочитаны А. В. Арциховским правильно. В том нет большого греха: смысл многих письменных источников выявлен не сразу. Грамоты были изданы А. В. Арциховским. Первый том — в соавторстве с М. Н. Тихомировым; третий, четвертый и пятый — с В. И. Борковским, седьмой — с В. Л. Яниным. Автором второго и шестого томов является единолично А. В. Арциховский. Восьмой том написан В. Л. Яниным и А. А. Зализняком, но об этом томе — чуть позже.

Находка грамот резко улучшила финансирование экспедиции. В нем в большом размере принял участие и Московский университет. Практически получали столько, сколько можно было истратить за сезон. Доля МГУ в ассигнованиях росла, Академия же давала все меньше, пока ведущая роль не перешла к МГУ. Не удалось тогда, как не удается и сейчас, выделить Новгородскую экспедицию в самостоятельную административную единицу со своим бюджетом, своим штатом и т. д., сделать ее функционирующей круглый год, что важно, так как обработка материалов идет круглогодично.

1951 г. был годом научного триумфа А. В. Арциховского. Об открытии грамот, их изучении и вообще о раскопках в Новгороде он делал доклады во многих европейских столицах и на многих конгрессах. С этого времени грамоты стали главным объектом, на котором сосредоточилось внимание А. В. Арциховского да, пожалуй, и всей экспедиции. Это не значит, что рядовые археологические темы были забыты. Многие труды сотрудников Новгородской экспедиции были написаны уже в «берестяную эпоху».

В 1956 г. Арциховский серьезно заболел, был вынужден сложить с себя обязанности декана факультета, стал меньше бывать в Новгороде. И тем не менее, именно в эти годы готовятся и выпускаются тома издания «Новгородских берестяных грамот». Растет число находок. Расширяется тематика, освещаемая грамотами.

Особое значение имеет восьмой том «Грамот». Но Артемия Владимировича уже не было. Грамоты освещены под новым углом, в том числе с историко-филологической стороны. Уделено большое внимание поправкам к уже вышедшим томам. Наступила Валентино-Лаврентьевская (Янинская) эпоха в изучении Новгородских древностей, в том числе — грамот.[25] Это особая тема и смешивать ее с излагаемой не следует.

Научная деятельность А. В. Арциховского в 1960—1970-х гг. по-прежнему сосредоточена главным образом на новгородской тематике. Помимо работы над грамотами А. В. Арциховский редактировал книгу В. Л. Янина «Новгородские посадники», писал общие статьи по истории и археологии Новгорода, издавал статью по любимому им варяжскому вопросу, публиковал ряд статей в БСЭ и СИЭ.

Но болезнь прогрессирует. Особенно его угнетал склероз. Обладая феноменальной памятью, он помнил почти все, а тут не мог найти какой-то рукописи в своем личном архиве. В Новгороде он был хотя и ежегодно, но на небольшие отрезки времени. Предпоследний раз А. В. Арциховский приезжал в Новгород в 1974 г. Прибыл он в подавленном состоянии: в больнице умирал его любимый ученик и друг А. Л. Монгайт. Он все время возвращался к его мучениям. Глупое дорожное происшествие ухудшило его самочувствие. Многого он не понимал или воспринимал превратно. Ему оставалось жить еще более трех лет, но он предчувствовал свою кончину. В конце января 1978 г. К. Н. Тарновский и я посетили его на квартире. За время короткого визита он трижды повторил: «Завтра ложусь в больницу на операцию». Видно, думал, что с операционного стола ему не встать. Но операция не состоялась: в результате недосмотра медицинского персонала он простудился и скончался от пневмонии 17 февраля 1978 г.

После себя А. В. Арциховский оставил школу, многочисленных учеников, лучшую в стране экспедицию, которую обеспечил замечательным научным коллективом, методикой исследования, современным оборудованием.

Его дело обрело мировую славу.

---

[1] *Арциховский А. В.* Беседа с К. Н. Тарновским и Д. А Авдусиным. Фонограмма.

[2] *Авдусин Д. А.* История новгородских открытий //ВИ. 1971. № 6.

[3] *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // Тр. Новгородской экспедиции. Т. 1 (МИА, № 55). М., 1956. С. 8, 9.

[4] Старая Ладога // Сб. статей. Отв. ред. В. И. Равдоникас. Л., 1948.

[5] *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1—2. М., Л., 1958, 1961.

[6] *Неклюдов М. Н., Писарев С. П.* О раскопках в Смоленске. Смоленск, 1901.

[7] *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // МИА, № 11. М.; Л., 1949. С. 121.

[8] *Арциховский А. В.* Археологическое изучение...

[9] *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне... С. 11.

[10] *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА, № 5, М.; Л., 1941.

[11] *Арциховский А. В., Рыбаков Б. А.* Раскопки на Славне в Новгороде Великом // СА. 1939. № 3. С. 179—196.

[12] *Арциховский А. В.* Археологическое изучение...

[13] Arbman H. The Vikings. London, 1961. Pl. 24.

[14] *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне... С. 165.

[15] *Медведев А. Ф.* Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого // МИА, № 55. М., 1956. С. 208—227.

[16] *Авдусина Г. А.* Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 272—289.

[17] *Арциховский А. В.* Беседские курганы // КСИИМК. 1947. Вып. 21.

[18] *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв. // МИА, № 65. М., 1959. С. 306—362.

[19] *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА, № 32. М., 1953.

[20] *Авдусин Д. А.* Древнерусские кузнецы // Литературная газета. 1951. 10 февр., № 17.

[21] *Авдусин Д. А.* А. В. Арциховский как археолог // ВМУ. Серия VIII. История. 1978. № 6.

[22] *Арциховский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. // Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ. 1946. Вып. 4. С. 3—17.; *Арциховский А. В.* Оружие // Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. 1. Материальная культура. М., МГУ. 1969. С. 277—296.

[23] Археологическое изучение Новгорода // Сб. статей. Под ред. Б. А. Колчина и В. Л. Янина. М., 1978.

[24] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965.

[25] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту...